

SOI: 1.1/TAS

DOI: 10.15863/TAS

Scopus ASJC: 1000

ISSN 2308-4944 (print)

ISSN 2409-0085 (online)

№ 03 (131) 2024

Teoretičeskaâ i prikladnaâ nauka

Theoretical & Applied Science

Philadelphia, USA

**Teoretičkaâ i prikladnaâ
nauka**

**Theoretical & Applied
Science**

03 (131)

2024

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

Founder: **International Academy of Theoretical & Applied Sciences**

Published since 2013 year. Issued Monthly.

International scientific journal «Theoretical & Applied Science», registered in France, and indexed more than 45 international scientific bases.

Editorial office: <http://T-Science.org> Phone: +777727-606-81

E-mail: T-Science@mail.ru

Hirsch index:

Editor-in Chief: Alexandr Shevtsov

h Index RISC = 1 (78)

Editorial Board:

1	Prof.	Vladimir Kestelman	USA	h Index Scopus = 3 (47)
2	Prof.	Arne Jönsson	Sweden	h Index Scopus = 10 (33)
3	Prof.	Sagat Zhunisbekov	KZ	-
4	Assistant of Prof.	Boselin Prabhu	India	-
5	Lecturer	Denis Chemezov	Russia	h Index RISC = 2 (61)
6	Associate Prof.	Elnur Hasanov	Azerbaijan	h Index Scopus = 9 (11)
7	Associate Prof.	Christo Ananth	India	h Index Scopus = - (1)
8	Prof.	Shafa Aliyev	Azerbaijan	h Index Scopus = - (1)
9	Associate Prof.	Ramesh Kumar	India	h Index Scopus = - (2)
10	Associate Prof.	S. Sathish	India	h Index Scopus = 2 (13)
11	Researcher	Rohit Kumar Verma	India	-
12	Prof.	Kerem Shixaliyev	Azerbaijan	-
13	Associate Prof.	Ananeva Elena Pavlovna	Russia	h Index RISC = 1 (19)
14	Associate Prof.	Muhammad Hussein Noure Elahi	Iran	-
15	Assistant of Prof.	Tamar Shiukashvili	Georgia	-
16	Prof.	Said Abdullaevich Salekhov	Russia	-
17	Prof.	Vladimir Timofeevich Prokhorov	Russia	-
18	Researcher	Bobir Ortikmirzayevich Tursunov	Uzbekistan	-
19	Associate Prof.	Victor Aleksandrovich Melent'ev	Russia	-
20	Prof.	Manuchar Shishinashvili	Georgia	-
21	Prof.	Konstantin Kurpayanidi	Uzbekistan	h Index RISC = 8 (67)
22	Prof.	Shoumarov G'ayrat Bahramovich	Uzbekistan	-
23	Associate Prof.	Saidvali Yusupov	Uzbekistan	-
24	PhD	Tengiz Magradze	Georgia	-
25		Dilnoza Azlarova	Uzbekistan	-
26	Associate Prof.	Sanjar Goyipnazarov	Uzbekistan	-
27	Prof.	Shakhlo Ergasheva	Uzbekistan	-
28	Prof.	Nigora Safarova	Uzbekistan	-
29	Associate Prof.	Kurbonov Tohir Hamdamovich	Uzbekistan	-
30	Prof.	Pakhrutdinov Shukritdin Il'yasovich	Uzbekistan	-

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

---

Editorial Board:

Hirsch index:

31	PhD	Mamazhonov Akramzhon Turgunovich	Uzbekistan	-
32	PhD	Ravindra Bhardwaj	USA	h Index Scopus = 2 (5)
33	Assistant lecturer	Mehrinigor Akhmedova	Uzbekistan	-
34	Associate Prof.	Fayziyeva Makhbuba Rakhimjanovna	Uzbekistan	-
35	PhD	Jamshid Jalilov	Uzbekistan	-
36		Guzalbegim Rakhimova	Uzbekistan	-
37	Prof.	Gulchehra Gaffarova	Uzbekistan	-
38	Prof.	Manana Garibashvili	Georgia	
39	D.Sc.	Alijon Karimovich Khusanov	Uzbekistan	
40	PhD	Azizkhon Rakhmonov	Uzbekistan	
41	Prof.	Sarvinoz Kadirova	Uzbekistan	
42	Prof., D.Sc.	Shermukhamedov Abbas Tairovich	Uzbekistan	
43	PhD	Bekjanova Ainura	Uzbekistan	
44		Anzhelika Bayakina	Russia	h Index RISC = 3 (18)
45	PhD	Abdurasul Martazayev	Uzbekistan	
46	PhD	Ia Shiukashvili	Georgia	
47	Associate Prof.	Lali Elanidze	Georgia	h Index Scopus = 0 (1)
48		Maka Kochauri	Georgia	
49	D.T.Sc.	Annaguly Rejepovich Deryaev	Turkmenistan	

**International Scientific Journal
Theoretical & Applied Science**

ISJ Theoretical & Applied Science, 03 (131), 125.
Philadelphia, USA

The percentile in the SCIENCE INDEX ranking = 73
Процентиль в рейтинге SCIENCE INDEX = 73

Impact Factor ICV = 6.630

Impact Factor ISI = 0.829
based on International Citation Report (ICR)

The percentage of rejected articles:

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](https://doi.org/10.1/TAS) DOI: [10.15863/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2024 Issue: 03 Volume: 131

Published: 25.03.2024 <http://T-Science.org>

Issue

Article

Sanzhar Kubatovich Abdykadyrov

Osh State University
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
absankub@gmail.com

Azhar Batyrbekovna Tokoeva

Osh State University
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
azhar_tokoeva@list.ru

Malakhat Sharipovna Ysakova

Osh State University
Senior lecturer,
Kyrgyz Republic
malahatysakova@gmail.com

CLUSTER APPROACH TO IT-MARKET DEVELOPMENT IN THE KYRGYZ REPUBLIC

Abstract: The article discusses existing problems in the development of the IT market and issues of promising solutions to these problems through the cluster approach, as the main tool for increasing the efficiency and competitiveness of participants in the IT market in the Kyrgyz Republic.

Key words: clusters, cluster theory, IT market, Kyrgyzstan, international experience of clustering, industry problems, trends and development prospects.

Language: English

Citation: Abdykadyrov, S. K., Tokoeva, A. B., & Ysakova, M. Sh. (2024). Cluster approach to IT-market development in the Kyrgyz Republic. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 03 (131), 101-104.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-03-131-17> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2024.03.131.17>

Scopus ASCC: 2000.

Introduction

Modern information and communication technologies (hereinafter referred to as ICT) significantly change all social relations. A new information society is being formed. New technologies not only change the way products, works and services are produced, but also create new opportunities for the exercise of civil rights, personal self-realization, acquiring knowledge, training the younger generation and spending leisure time. In the information society, distances are reduced, globalization occurs and unprecedented opportunities are created for the development of regions of any country, including Kyrgyzstan.

The cluster approach in the IT market is an industry development strategy based on the

concentration of related enterprises, suppliers, educational institutions and other participants in a certain geographical area or ecosystem. Clusters in the field of information technology have a number of advantages, such as: 1. Synergy and innovation: The proximity of various companies and institutions in a cluster facilitates the exchange of knowledge, experience and ideas, which stimulates innovation and the creation of new products and services. 2. Economies of scale: Clusters allow companies to reduce costs by sharing resources, infrastructure and services. 3. Development of human capital: The presence of highly qualified specialists and educational institutions in the cluster contributes to the development of human capital and training of specialists in accordance with market needs. 4.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Attracting investment: Clusters can become an attractive point for investors and start-ups due to their ecosystem approach and opportunities for collaboration. Examples of successful clusters in the field of information technology are Silicon Valley in the USA, Shanghai in China, Bangalore in India, Tartu in Estonia, etc. The cluster approach in the IT market contributes to the development of the industry, increasing the competitiveness of companies and creating a favorable innovation environment.

The **purpose** of this study is to consider existing problems in the development of the IT market and issues of promising solutions to these problems through the cluster approach, as the main tool for increasing the efficiency and competitiveness of participants in the IT market in the Kyrgyz Republic.

The first known cluster can be considered Çatalhöyük, literally "Fork Mound", a large settlement of the Ceramic Neolithic and Chalcolithic era in the province of Konya (southern Anatolia), which arose in the 8th millennium BC. He specialized in non-ferrous metallurgy and the production of hand tools. Today, clusters are commonly understood as closely located and interacting companies, universities, institutes and infrastructure facilities that complement each other and enhance each other's competitive advantages.

Kyrgyzstan, as a country with a developing economy, is actively introducing information and communication technologies (ICT) into various areas of public activity.

In order to implement the cluster model for the development of the IT industry, on the initiative of the Software Developers Association, the High Technology Park was created in 2011, which currently has about 90 residents. The creation of one High Technology Park is not enough to resolve issues related to the clustering of all sectors of the country's economy. Here it is necessary to adopt an entire national cluster policy, study the international experience of developed as well as developing countries.

In January 2023, the Ministry of Agriculture of the Kyrgyz Republic submitted for public discussion a draft resolution of the Cabinet of Ministers "On approval of the Concept of cluster policy in the agro-industrial complex of the Kyrgyz Republic for 2023–2033"¹. Further, the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic, in order to implement innovation policy, adopted Resolution No. 231 "On the implementation of cluster policy in the Kyrgyz Republic"² dated April 29, 2023, where methodological, organizational and other support for

activities was entrusted to the Ministry of Economy and Commerce of the Kyrgyz Republic, the pilot project "Alpine skiing" was approved cluster" in the Issyk-Kul region." In accordance with this Resolution, an interdepartmental commission on cluster issues was created by order of the Minister of Economy and Commerce of the Kyrgyz Republic³.

But while such actions taken by the Cabinet of Ministers to resolve issues of the national cluster policy of the Kyrgyz Republic are not enough, it is necessary to solve such problems as: the lack of a unified legislative framework; weak connections between enterprises in clusters; lack of innovative ideas; lack of highly qualified personnel; lack of social role of the cluster.

Representatives of ministries and departments of the Kyrgyz Republic must develop a concept for cluster development of each department. And on the basis of these concepts, an entire cluster policy or doctrine of the Kyrgyz Republic should be adopted.

In the context of globalization and digitalization of all forms of activity, a special role is assigned to the Ministry of Digital Development of the Kyrgyz Republic or the IT sector of the economy.

Clustering of the IT market in the Kyrgyz Republic is an important tool for determining the main directions of development of this sector and increasing its competitiveness. The ICT sector in Kyrgyzstan covers areas such as software development, information security, Internet providers, digital economy, e-government and others. Clustering allows you to identify key companies, institutions and projects that form the basis of the industry and determine its further development. The main tasks of clustering the ICT sector in the Kyrgyz Republic include: 1. Identification of the main participants and players in the ICT market. 2. Determination of the main trends and prospects for the development of the industry. 3. Creation of a favorable infrastructure and ecosystem for ICT development. 4. Promote interaction between industry representatives to improve efficiency and competitiveness. 5. Advanced training of specialists in the field of ICT.

Clustering of the ICT sector in the Kyrgyz Republic helps stimulate innovation, strengthen the country's position in the global ICT market and ensure sustainable development of the industry as a whole.

According to the register of legal entities of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic⁴, at the end of 2018 there were 316 organizations that were registered as participants in the IT market. Next, we present the growth dynamics of the number of such companies in Table 1.

¹ <https://www.gov.kg/ru/npa/s/4327>

² <https://www.gov.kg/ru/npa/s/4432>

³ Официальный сайт «Горный кластер» КР.
<https://www.cluster.kg/>

⁴ <https://register.minjust.gov.kg/register/About.seam>

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

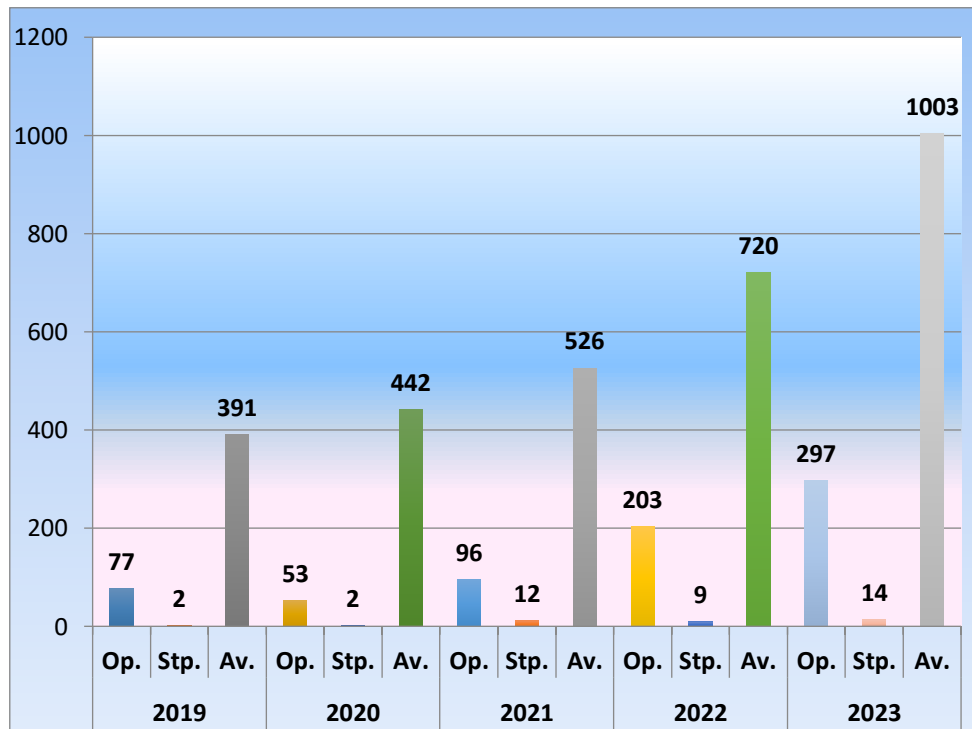
Table 1. Dynamics of growth in the number of IT companies by year according to the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic.

2019			2020			2021			2022			2023		
Op.	Stp.	Av.	Op.	Stp.	Av.	Op.	Stp.	Av.	Op.	Stp.	Av.	Op.	Stp.	Av.
77	2	391	53	2	442	96	12	526	203	9	720	297	14	1003

Where: Op. – new companies that registered, Stp.- discontinued, Av. - how much it became.

As can be seen from the table, the number of organizations classified as part of the IT sector of the economy is increasing from year to year, with the exception of the pandemic period. Of course, 1047 IT companies may seem like a lot for small Kyrgyzstan, but it would be normal to see the number of organization-companies broken down by activity category. Of course, we were unable to obtain relevant

information by category. Because the issue of cluster distribution of companies in the IT market has not yet been resolved at the legal level. And for the same reason, the register of legal entities of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic does not provide for distribution by category. The data in Table 1 can be illustrated in the form of a diagram.

Picture 1.

However, the sad fact is that these companies and client organizations that want to use their services cannot find each other and do not know who and where to look.

According to research by Azis Abakirov (Kyrgyz Association of Software and Services Developers, Chairman) and Urgunaliyeva Gulzada (Kyrgyz Association of Software and Services Developers, Deputy Director), which were carried out with the support of the Research Grants program of the Soros Kyrgyzstan Foundation in 2018, many respondents expressed the opinion that they would

like to move to countries with a developed IT market. Among the leading countries are: the USA (San Francisco, New York, Chicago), Japan, a number of European countries (Germany, Great Britain, the Czech Republic, Switzerland), Canada, Australia. Also, the following states were noted in the respondents' responses: Belarus, Estonia, Singapore, Spain, Brazil, Georgia, Turkey, Kazakhstan, Egypt, New Zealand, Latvia, Poland, Hungary, Ireland, Sweden. Among the cities of the Russian Federation, respondents especially highlight the following cities with developed infrastructure: Moscow and St.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Petersburg⁵. Yes, because in these cities and countries the clustering of the IT market has been put on a modern footing and the legislative framework has been developed. There is everything needed to enter the world market, potential and resources. That's why all IT people are ringing the bell to make it comfortable for us to run an IT business.

Clustering the information and communication technologies (ICT) sector in Kyrgyzstan can bring a number of significant benefits for the country:

1. Stimulating innovation: Clustering promotes the exchange of knowledge, experience and technology between companies and institutions in the industry, which contributes to the development of new ideas and innovative projects.

2. Increasing competitiveness: Through cooperation and interaction between cluster members, companies can increase their competitiveness by sharing resources and optimizing processes.

3. Attracting Investment: Clustering creates a favorable environment for investors as the combined efforts of businesses in an industry make it more attractive for investment.

4. Development of export potential: Clustering allows companies to increase the volume of exports of

products and services by strengthening their position in the global market.

5. Job creation: The development of the ICT cluster helps create new jobs and increase the level of employment in the country.

6. Improving the education and qualifications of specialists: Within the cluster, it is possible to organize training programs, master classes and other events aimed at improving the qualifications of specialists in the field of ICT.

Conclusion.

The formation and development of clusters, especially in the field of information technology, play a key role in the economic progress of Kyrgyzstan. Even with significant economic development, the need to create clusters remains constant. The opportunity to further increase productivity remains important as innovations in products, services and production methods become increasingly important as economies develop to improve a region's competitiveness. Thus, clustering the IT sector in Kyrgyzstan can become a powerful tool for stimulating economic growth, developing innovation and increasing the country's competitiveness in the global digital market.

References:

1. Lavrov, A. A. (2012). *Features of the functioning of high-tech clusters in China and Japan*. TSU Electronic Library - 2009. [Electronic resource] Retrieved 02/20/2012 from <http://sun.tsu.ru>
2. Nesmachnykh, O.V., & Litovchenko, V.V. (2014). Cluster policy in the strategy of innovative development of Russia and foreign countries. *Economic Sciences*. —2014, No. 9, pp.162-165.
3. (n.d.). *About the High Technology Park in Kyrgyzstan and what privileges residents have*. Access mode. Retrieved from [https://weproject.media/articles/detail/o-parke-](https://weproject.media/articles/detail/o-parke-vysokikh-tehnologiy-v-kyrgyzstane-i-kakie-privelegii-est-u-rezidentov/)
4. (2018). *Research. IT market and market of IT educational services in Kyrgyzstan*. Access mode. Retrieved from <https://soros.kg/wp-content/uploads/2018/12/IT-Research-St4.1.pdf>
5. (n.d.). Retrieved from <https://www.gov.kg/ru/npa/s/4327>
6. (n.d.). Retrieved from <https://www.gov.kg/ru/npa/s/4432>
7. (n.d.). Official'nyj sajt «Gornyj klaster» KR. Retrieved from <https://www.cluster.kg/>
8. (n.d.). Retrieved from <https://register.minjust.gov.kg/register/About.seam>

⁵ Research. IT market and market of IT educational services in Kyrgyzstan. <https://soros.kg/wp-content/uploads/2018/12/IT-Research-St4.1.pdf>

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2024 Issue: 03 Volume: 131

Published: 26.03.2024 <http://T-Science.org>

Issue

Article

M. G. Grdzeldze

Akaki Tsereteli State University
Ph.D.

Professor of the Department «Design and Technology»,
Dean of Engineering-Technological Faculty
Georgia, Kutaisi

N. N. Tkheldize

Akaki Tsereteli State University
Ph.D.

Engineering Sciences Ph.D. Associate Professor,
Head of Department Design and Technology

VARIATIONS IN THE EXISTING RANGE OF WOMEN'S SHOES WITH FACTOR ANALYSIS PROVIDING COMFORT

Abstract: The female age group, compared to all other groups, is more faced with the problem of choosing comfortable shoes. This is due to the fact that this group has the most variation in shoe types, especially in the shape and height of the heel, the shape and length of the nasal part. The comfortable characteristics of shoes are directly proportional to these factors. The height and shape of the heel are always in a certain correlation with the length and shape of the nose. All shoe styles have their own impact on foot comfort. Increasing the height of the heel leads to an increase in the load on the support. Which, accordingly, requires more effort to maintain balance and keep the whole body in a tense position when walking and standing. During movement, the foot, its bones, joints, tendons and muscles experience various impacts, and therefore the load on all parts of the foot is great. Therefore, a necessary condition for the manufacture of comfortable shoes, in addition to the optimal size range, is a comfortable supporting surface in each section of the shoe. Such a shape of the toe part, the optimal selection of which has a great importance for the comfortable placement of the ankle joint in the front part, for unloading the joints or facilitating movements.

Key words: women's shoes, comfort, joint.

Language: Russian

Citation: Grdzeldze, M. G., & Tkheldize, N. N. (2024). Variations in the existing range of women's shoes with factor analysis providing comfort. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 03 (131), 105-109.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-03-131-18> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2024.03.131.18>

Scopus ASCC: 2209.

ВАРИАЦИИ СУЩЕСТВУЮЩЕГО АССОРТИМЕНТА ЖЕНСКОЙ ОБУВИ С АНАЛИЗОМ ФАКТОРОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОМФОРТА

Аннотация: Женская возрастная группа, по сравнению со всеми остальными группами, в большей степени сталкивается с проблемой выбора удобной обуви. Это связано с тем, что в этой группе больше всего вариаций типов обуви, особенно по форме и высоте каблука, форме и длине носочной части. Комфортные характеристики обуви прямо пропорциональны указанным факторам. Высота и форма каблука всегда находятся в определенной корреляции с длиной и формой носа. Все стили обуви по-своему влияют на комфорт стопы. Увеличение высоты каблука приводит к увеличению нагрузки на опору. Что, соответственно, требует больше усилий для поддержания равновесия и удержания всего тела в напряженном положении при ходьбе и стоянии. Во время движения стопа, его кости, суставы, сухожилия и мышцы испытывают различные воздействия, в связи с чем нагрузка на все части стопы велика. Поэтому,

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 1.582	РИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

необходимым условием изготовления удобной обуви, помимо оптимального размерного ассортимента, является удобная опорная поверхность в каждой сечении обуви. Такова форма носочной части, оптимальный подбор которой имеет большое значение для удобного размещения голеностопного сустава в передней части, для разгрузки суставов или облегчения движений.

Ключевые слова: женская обувь, удобство, сустав.

Введение

Стандартные параметры антропометрических данных стоп для женской возрастно-половой группы не обновляются с периодичностью, установленной стандартом. Женская возрастная группа, по сравнению со всеми остальными группами, в большей степени сталкивается с проблемой выбора удобной обуви. Это связано с тем, что в этой группе больше всего вариаций типов обуви, особенно по форме и высоте каблука, форме и длине носочной части. Комфортные характеристики обуви прямо пропорциональны указанным факторам. Особенно, если речь идет об обуви с узким носком и на высоком каблуке, использование которой, несмотря на визуальную гармонию, является риск-фактором потребительского дискомфорта [1–5].

Поэтому, когда речь идет об удовлетворении возрастной группы женщин удобной обувью, вопрос соответствия визуальных и

потребительских параметров всегда находится на первом плане, что подтверждается массовым опросом населения и статистическим анализом результатов исследований [6-7]. Исследованиями подтверждено, что значительная часть патологий стопы и нарушений жизнедеятельности основных органов организма, особенно костно-суставной системы, является следствием ношения обуви, не соответствующей размеру и форме стопы. Например, патологические изменения на голеностопном суставе затрудняют ходьбу, вызывают плохое настроение и являются причиной ряда заболеваний – нарушения кровообращения, нервного раздражения, утомляемости, болей в мышцах ног, физических повреждений кожи голеностопного сустава и других патологических отклонений. Многие потребители испытали это на себе, осознают необходимость носить удобную обувь и желают иметь возможность ее выбирать [8-14].

Таблица 1. Варианты формы носочной части обуви (С).

с	Длина/форма носочной части	Узкая	средняя	широкая	
1	длинный	Треугольный			
		овальный			
3	средний	Треугольный			
		овальный			
		трапециевидный			
6	короткий	Треугольный			
		овальный			
		трапециевидный			

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
 ISI (Dubai, UAE) = 1.582
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИНЦ (Russia) = 3.939
 ESJI (KZ) = 8.771
 SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

Исследования показали, что сегодня основным сегментом обувного рынка является молодежный ассортимент, то есть, акцент смещается на интересы молодых потребителей, что однозначно вызывает неудовлетворенность удобной обувью представителей среднего и

старшего возраста [2; 15]. Основной проблемой является форма носа (имеющего три основных типа – узкий, средний и широкий – хотя все эти подгруппы имеют вариации по своей геометрической форме) и высота и форма каблука (табл. 1 и 2).

Таблица 2. Вариация высоты (h) и формы каблука обуви.

h	Высота/форма каблука	клиновидный	Широкий	Средний	Узкий
1	Без каблука (0–3 мм)				
2	На низком каблуке (3–25 мм)				
3	На среднем каблуке (30–45 мм)				
4	На высоком каблуке (50–70 мм)				
5	На особенно высоком каблуке (более 70 мм)				

Итак: существует всего 15 вариаций формы носа и 18 вариантов по форме каблука. Поэтому ассортимент женской обуви отличается особенно широким ассортиментом, чем в свою очередь отличает его от всех остальных групп. Например, в таблице 2 приведены формы каблука, которые распространены на практике и визуально воспринимаются более нормальными, чем, например, h_{51} (которая является неэффективной формой визуально и с точки зрения потребительских свойств, и редко встречается на практике). Точно так же h_{14} будет более неприемлемо визуально и по потребительским свойствам (и практически не встречается на практике), чем h_{54} , который визуально очень рафинирован, однако очень неудобен в процессе

эксплуатации и представляет собой риск-фактором приобретения патологий и деформаций стопы [3, 16-21].

Сочетание формы носа и высоты каблука, в свою очередь, увеличивает количество возможных вариантов конструкции подошвы обуви. Матрица, которую можно настроить по обоим характеристикам, существенно расширяет диапазон конструкции обуви. С точки зрения удобства необходимо, чтобы форма носа была приведена в правильное визуальное соответствие высоте и форме каблука:

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
 ISI (Dubai, UAE) = 1.582
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИИЦ (Russia) = 3.939
 ESJI (KZ) = 8.771
 SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

$$\begin{cases} c_{11}h_{11} & c_{12}h_{11} & c_{13}h_{11} \dots \\ c_{11}h_{12} & c_{12}h_{12} & c_{13}h_{12} \dots \\ & \dots & \\ c_{71}h_{54} & c_{72}h_{54} & c_{73}h_{54} \dots \end{cases}$$

Конструктивное проектирование всех этих элементов матрицы — трудоемкая задача. Самая распространенная форма носа — овальная. Из анализа моделей, созданных на сегодняшний день, видно, что как форма носа, так и высота и форма каблука находятся в хорошей корреляции друг с другом, где: $c_{11}, c_{21}, c_{31}, c_{41}, c_{42}, c_{52}, c_{62}, c_{72}, c_{63}, c_{73}$ (всего 10 вариантов), - а в случае с каблуком:

$$h_{11}, h_{12}, h_{21}, h_{22}, h_{23}, h_{31}, h_{32}, h_{33}, h_{34},$$

$$h_{41}, h_{42}, h_{43}, h_{44}, h_{54} h_{11}, h_{12}, h_{21}, h_{22}, h_{23},$$

$$h_{31}, h_{32}, h_{33}, h_{34}, h_{41}, h_{42}, h_{43}, h_{44}, h_{54}$$

(Всего 14 вариантов). — наиболее распространенные варианты (есть и промежуточные варианты).

Соответственно, матрица также должна строиться по этим кластерам. Хотя это и облегчает работу, все равно остается около 120 вариантов. Из всех возможных вариантов смещения фасона обуви была взята мода на распространение, прошедшая через типичные кластеры:

$$\text{совокупность} \begin{cases} c_{41}, c_{42} \\ c_{52}, c_{53} \\ c_{72}, c_{73} \\ c_{82}, c_{83} \end{cases}$$

хорошо сочетается с вариантами каблука — h_{31}, h_{32} .

Таким образом, высота и форма каблука всегда находятся в определенной корреляции с длиной и формой носа. Например: клиновидная форма каблука позволяет сузить носочной часть, не ограничивая при этом ширину пяточной части, что невозможно на тонком каблуке. Тонкий средний, а тем более тонкий высокий каблук визуально требует сужения носовой части, поскольку нарушается пропорция контура подошвы в разных участках стопы. Кроме того, известно, что обувь с отдельным тонким каблуком имеет проблемы с удобством, сохранением равновесия, хорошей координацией ходьбы и другими проблемами, которые вызывают патологии и деформации стопы, особенно в области свода и подъема стопы и т. д.

Все стили обуви по-своему влияют на комфорт стопы, если не принимать во внимание индивидуальный фактор. На подвижность стопы влияет удобное, т. е. свободное размещение пучковой части и передней плюсно-фаланговой части стопы в обуви, поскольку отдельная форма носа (особенно узкой носочной части) приводит к ограничению передней части голеностопного сустава и взаимного давления пальцев ног во время движения, ограничивающего растяжение стопы в продольном направлении в момент полного цикла шага и другие [17-19]. Увеличение высоты каблука приводит к увеличению нагрузки, вызванной тяжестью тела в лодыжках, а сужение формы каблука соответственно ограничивает область распределения этого веса на опоре. Что, соответственно, требует больше усилий для поддержания равновесия и удержания всего тела в напряженном положении при ходьбе и стоянии. Продолжительность ходьбы и стояния существенно определяет продолжительность нахождения организма в напряженном состоянии, которое доставляет большой дискомфорт для человека и всего организма в целом, особенно для нервной системы.

Во время движения стопа, его кости, суставы, сухожилия и мышцы испытывают различные воздействия, в связи с чем нагрузка на все части стопы велика. Особенно велика нагрузка на пяточную кость — при стоянии или ходьбе в обуви на низком каблуке и на передней плюсно-фаланговый сустав, где нагрузка велика при любом движении, но особенно возрастает с высотой пятки пропорционально длительности ходьбы пешком. К этому добавляются прибавка веса с возрастом, утомляемость, различные хронические или острые заболевания, ангиопатические или артропатические осложнения и другие, которые особенно часто встречаются у женщин и прогрессируются с возрастом. Поэтому, необходимым условием изготовления удобной обуви, помимо оптимального размерного ассортимента, является удобная опорная поверхность в каждой сечении обуви. Такова форма носочной части, оптимальный подбор которой имеет большое значение для удобного размещения голеностопного сустава в пучковой части, для разгрузки суставов или облегчения движений.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

References:

1. Grdzeldze, M. (2017). The problem of dimensional typology of the foot for the normal functioning of the musculoskeletal system. The Scientific journal "Norwegian Journal of development of the International Science, 5.
2. Grdzeldze, M. G. (2016). *The problem of drawing out the means of normalizing foot age deformations in Georgia*. 2016. Sheffield, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland.: Scope Academic house., 2016. In 4th International Conference "Economy Modernization: New Challenges and Innovative Practice.
3. Grdzeldze, M. G. (2018). *Clustering of pathologies of feet on natural signs to the relation to requirements of comfort of footwear*. Multidisciplinary Scientific Edition - WORLD SCIENCE. RS Global Sp. z O.O., Scientific Educational Center Warsaw, Poland. v. 30, #2, 22-25. ISSN 2413-1032. Retrieved from <http://wsconference.com/>
4. Grdzeldze, M. G., Charkviani, I. J., & Tkhelidze, N. N. (2021). The risks and prevention means of professional diseases. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 01 (93), 66-71. SoI: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-01-93-12> Doi: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.01.93.12>
5. Grdzeldze, M. G., Tkhelidze, N. N., & Charkviani, I. J. (2023). Foot and shoes - an important scientific problem. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 06 (122), 151-161.
6. Grdzeldze, M. (2014). *Statistical assessment of results of research of inhabitants of Georgia with a diabetes disease*. "Scientific enquiry in the contemporary world: theoretical basiss and innovative approach" Research articles. B&M Publishing. San-Francisco, California, USA, (L26-5), 46.
7. Grdzeldze, M. (2017). Statistical evaluation and analysis of the results of shoes wear test method for a pilot study. *Magyar Tudományos Journal.(Budapest, Hungary)# 11*. 2017. pp. 30-34.
8. Grdzeldze, M. (2017). The research of trauma correction of sportsmen foot and means of prevention of it. *Scientific enquiry in the contemporary world: theoretical basiss and innovative approach*, 120.
9. Grdzeldze, M. (2023). Study of the anatomy of the diabetic foot, taking into account the categories of pathology. *Development scenarios and alternatives in the modern society*, 45.
10. Grdzeldze, M. (2015). *Requirements for Diabetic shoes generated by category of patients with Diabetic foot syndrome. Pressing issues and Priorities in Development of the Scientific and Technological complex*. Research articles. 2th edition. B&M Publishing. San-Francisco, California, USA. L17/2. 2015. pp. 38-42.
11. Grdzeldze, M. G., Tkhelidze, N. N., & Charkviani, I. J. (2023). Analyze of the conditions and needs for the safe use of sports shoes in practice, in order to justify the need for a scientific approach to the issue. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 08 (124), 176-186.
12. Grdzeldze, M. G. (2023). The combined foot pathology caused by a common etiology of flat and diabetic feet. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 05 (121), 86-91.
13. (2007). Retrieved from <http://www.patologia/-2007>
14. (n.d.). Retrieved from <http://www.stopa.info>
15. Grdzeldze, M.G. Katamadze, A. G., & Shalamberidze, M. M. (2011). Rezul`taty antropometricheskikh issledovanij zhiteljev Gruzii s zabolevaniem diabetu. *Vestnik Kievskogo nacional`nogo universiteta tehnologii i dizajna*. Kiev. №2 (58). 2011, pp. 168-172.
16. Grdzeldze, M. G. (2011). The foot as a biomechanical center of the musculoskeletal system. *Georgian Engineering News. GFN. International Engineering Academy*, (2), 133-136.
17. Grdzeldze, M. G. (2011). Dinamika i struktura hod`by. *Zhurnal Georgian Engineering News. GFN*, (1), 144-148.
18. Grdzeldze, M. G. (2009). Znachenie povysheniya utilitarnyh svojstv obuvi dlja normal`nogo funkcionirovaniya stopy. *Georgian Engineering News, GFN*, (2), 219-221.
19. Grdzeldze, M. G. (2010). *Stopa podrostkov i racional`naja obuv`*. Monografija. (p.226). Kutaisi.
20. Grdzeldze, M. (2015). *Stady of the anatomy of the Diabetic foot, taking into account the categories of patology*. Pressing issues and Priorities in Development of the Scientific and Technological complex. Research articles. B&M Publishing. San-Francisco, California, USA. L17/2.
21. Grdzeldze, M. (2015). Requirements for Diabetic shoes generated by category of patients with Diabetic foot syndrome. *Pressing issues and priorities in development of the scientific and technological complex*, 46.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHLI (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2024 Issue: 03 Volume: 131

Published: 29.03.2024 <http://T-Science.org>

Issue

Article

N.N. To'rayev

Uzbekistan International Islamic Academy
PhD, Associate Professor of Islamic Studies and Studies
of Islamic Civilization ICESCO department,
numonjon.turaev@mail.ru

ANALYSIS OF IMAM BUKHARI'S SILENCE ON NARRATORS IN «AL-TARIKH AL-KABIR»

Abstract: The article also examines the methodology of Imam Bukhari in compiling his renowned work, "al-Tarikh al-Kabir." It delves into how Imam Bukhari meticulously selected and analyzed hadith narrations, including his approach to evaluating the credibility and reliability of narrators through the lens of "jarh" (criticism) and "ta'dil" (accreditation). Additionally, it sheds light on the significance of "sukut" (silence) in Imam Bukhari's methodology, highlighting instances where his silence on certain narrators or narrations holds particular significance. By incorporating Imam Bukhari's "al-Tarikh al-Kabir" into the analysis, the article provides a comprehensive understanding of the scholarly practices and methodologies employed in hadith authentication.

Key words: Imam Bukhari, al-Tarikh al-Kabir, sukut, silence, jarh, criticism, ta'dil.

Language: English

Citation: To'rayev, N. N. (2024). Analysis of Imam Bukhari's silence on narrators in «al-Tarikh al-Kabir». *ISJ Theoretical & Applied Science*, 03 (131), 110-113.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-03-131-19> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2024.03.131.19>
Scopus ASCC: 3300.

Introduction

In Islam, the status of hadiths is unparalleled, and they are considered to be the next level of guidance after the Holy Quran, being interpreted by holy sources. The authenticity or weakness of hadiths, their acceptance or rejection, is essential to the chain of narrations, meaning it is related to the level of trustworthiness of the source. When Imam Shafi'i (d. 203/819) says, "The one who embarks on learning hadith without a sanad (chain of narrators) is like the one who gathers wood in the dark; he is likely to collect much, but more than likely to be off the mark," he emphasizes the importance of the chain of narrators in determining the credibility of hadiths [1, p. 21-22]

Scholars who have emerged from Movarounnahr (Central Asia) have engaged not only in the science of hadith but also in other fields of knowledge, gaining recognition from other Muslim scholars. Their research results have been documented in books

dedicated to narrations. For instance, the renowned hadith scholar Imam Bukhari (d. 256/870 CE), who is praised with the title "the Amir of the believers in hadith," has gained fame with several works dedicated to the science of narrations.

Imam Bukhari's works dedicated to the science of hadith include three notable texts titled "at-Tarikh al-Kabir" (The Great History), "at-Tarikh al-Awsat" (The Middle History), and "at-Tarikh as-Saghir" (The Small History), collectively known as "Tarikh".¹ These works are categorized as "major," "medium," and "minor" histories respectively. These texts are sources for studying the personal characteristics and positive and negative attributes of narrators, and they differ from each other in terms of volume and organization.

In "at-Tarikh al-Kabir," the names of narrators are arranged alphabetically, emphasizing the first letter of their names, while the remaining two works

¹ In the view of scholars, the identification and reporting of events and hadiths crucial for the criticism and authentication of narrations are utilized. See Muhammad Siddiq Minshawi. (Year of Publication

not provided). Qomus Mustalahat al-Hadith an-Nabaviy [Lexicon of Prophetic Hadith Terminology]. Cairo: Dar al-Fazila. – P. 36.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

arrange narrators and their death dates chronologically, based on the sequence of events.

The work "at-Tarikh al-Kabir" is distinguished among the aforementioned works by its comprehensive coverage of topics and information. Therefore, it is also referred to as the "major history." This work is not only significant in terms of Imam Bukhari's contributions but also holds great importance in the field of hadith science, as it is considered a primary source for narrators' biographical details.

Imam Bukhari's "at-Tarix al-Kabir" provides extensive information about narrators, including their biographical details, teachers, students, and travels. This comprehensive coverage adds depth to the understanding of hadith narrators.

Despite the detailed information provided, Imam Bukhari remains silent on certain narrators, neither criticizing nor endorsing them explicitly. This silence is particularly notable considering Imam Bukhari's meticulous scrutiny of hadith narrators.

Imam Bukhari used 13 terms of criticism ("jarh") and 8 terms of accreditations ("ta'dil ") a total of 600 times considering 107 narrators as reliable and 493 as weak. For nearly 13 thousand individuals mentioned in the text, judgments regarding "jarh" or "ta'dil" were not explicitly made.

In "at-Tarix al-Kabir," Imam Bukhari's silence regarding certain narrators has been a subject of analysis and discussion among scholars. This silence, often referred to as "sukut" in Arabic, carries significant implications within the science of hadith. Here, we delve into the implications and possible reasons behind Imam Bukhari's silence on narrators.

Imam Bukhari's "Sukut" on narrators is highly significant due to the meticulous nature of his work and the standards he set for hadith authentication. His "Sahih al-Bukhari" is considered one of the most authentic collections of hadith, and his silence on certain narrators raises questions and prompts scholarly inquiry.

Scholars have offered various interpretations for Imam Bukhari's silence on narrators. Some argue that it signifies his tacit approval or trust in the reliability of those narrators. Others suggest that it reflects his cautious approach, refraining from passing judgment without sufficient evidence.

Notably, Imam Bukhari's silence on a narrator should not be equated with approval or endorsement. It is essential to recognize that silence does not necessarily imply reliability. Instead, it indicates Imam Bukhari's refraining from explicit criticism or endorsement based on the available information.

In the sources, it is recorded that the hadith scholar Abdullah ibn Ahmad Yarbu'i Ishbili stated regarding Imam Bukhari's "at-Tarikh al-Kabir": "If he does not clarify whom the criticism is directed towards, it is presumed. If he says 'in his view,' it is probable, but if he doesn't, it is not" [13, v.18, p.265].

However, this statement does not appear in contemporary discussions.

Abdulfattah Abu Ghudda and Abdulhay Laknawi addressed this matter in their commentary on "ar-Rof'u wa at-Takmil fi al-Jarh wa at-Ta'dil," indicating that the silence of scholars like Imam Bukhari and Ibn Abi Hatim regarding the narrators should be understood as tacit accreditation. Additionally, scholars such as Ibn Taymiyyah, Munziri, Zahabi, Ibn Qayyim, Ibn Abdul Hadi, Zailai, Ibn Kathir, Zarkashi, Haysami, and Ibn Hajar accept Imam Bukhari's silence on narrators as accreditation [2, p. 230-232].

The second group of hadith scholars and modern researchers, such as Ali ibn Muhammad Fosiy (562/1167-628/1230 CE), Abdullah ibn Yusuf Jadiyah (born 1959), and Amr Abdulmun'im Salim (born 1967), have emphasized that the silence of Imam Bukhari regarding certain narrators indicates their obscurity or unknown status [3, v. 1, p. 507; 2, p. 233; 4, p. 164-165].

Contemporary researchers like Yahya Hussain Ahmad have examined the narrations in Imam Bukhari's "at-Tarikh al-Kabir" and emphasized that Imam Bukhari did not pass judgment on narrators in four specific cases [14].

For instance, individuals known for their reliability, such as Imam Shafi'i and Ahmad ibn Hanbal, narrators acknowledged for their trustworthiness, as well as those recognized as weak or abandoned, such as Muhammad ibn Ash'ath ibn Qays Kindi and Muhammad ibn Ibrahim Yazkuri, were not subject to criticism or accreditation. Similarly, individuals categorized as obscure or unknown, like Muhammad ibn Ibrahim Bahili, Muhammad ibn Ibrahim ibn Abdullah Hashimi, or those unknown to the author, such as Muhammad ibn Qays Asadi Kufi, Muhammad ibn Kulayb, and Ibrahim ibn Hanzala, were not subjected to criticism or accreditation.

Yahya Hussain Ahmad's observations primarily rely on addressing the two issues mentioned above. The mention of Muhammad ibn Ash'ath ibn Qays Kindi and Muhammad ibn Ibrahim Yazkuri as trustworthy individuals in sources related to criticism and accreditation forms the basis for this assertion, requiring additional attention. Additionally, the fact that a narration from Muhammad ibn Ibrahim appears in Imam Bukhari's "al-Adab al-Mufrad" is noted [9, v. 5, p. 352; 5, p. 288]. The consensus among scholars that Muhammad ibn Ibrahim Bahili and Muhammad ibn Ibrahim Hashimi are considered "mawdu" (fabricated) is based on the judgments of scholars relying on Ibn Abi Hatim [7, v. 7, p. 184, v. 9, p. 38]. This consideration does not definitively establish the position of these narrations in Imam Bukhari's estimation. It is crucial to note Ibn Hibban's mention of Muhammad ibn Ibrahim Hashimi in "al-Siqat." Furthermore, Ibn Muja attributed a narration from

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Muhammad ibn Ibrahim in "al-Tarikh al-Kabir" to his "Sunan," [10, v. 2, p. 240] indicating its substantial significance.

Muhammad ibn Qays Asadi Kufi and Muhammad ibn Kulayb are individuals who are considered trustworthy by other hadith scholars but are unknown to Imam Bukhari according to the evaluation in the text [7, v. 8, p. 61, 67, v. 7, p. 427, v. 5, p. 362]. Therefore, it is necessary to consider Imam Bukhari's classification of them as "mawdu" (fabricated). Additionally, regarding the biography of Ibrahim ibn Hanzala, the statement "we do not know his identity" should be attributed not to him but rather to Ibn Abi Sufyan in the chain of narration.

Comparisons with other hadith collections and biographical works can shed light on Imam Bukhari's approach. Understanding how other scholars evaluated the same narrators may offer insights into the reasons behind Imam Bukhari's silence.

To clarify which of these views is correct, Ibn Adi's work "al-Kamil fi al-Du'afa al-Rijal" is mentioned, in which out of 296 narrators mentioned by Imam Bukhari as his teachers in the Sahih collection, 80 (27%) were selected, of which the following were identified when their mention in "al-Tarikh al-Kabir" with criticism or accreditation was examined:

- Out of the 80 selected narrators from Imam Bukhari's teachers, 24 were not mentioned in the work, with 5 of them having their translations provided in the footnote, yet no judgment was given regarding them.

- Of the aforementioned 24 narrators, 3 were mentioned without any judgment in the "al-Tarikh al-Awsat" by the author.

- 51 narrators were mentioned in "al-Tarikh al-Kabir," with one being described as "thiqah" (trustworthy), and one being subjected to a "ta'dil" (accreditation) by Muqri', such as Isma'il ibn 'Uzun Warraq being described as "thiqah." This is due to the

presence of another narrator, indicating his trustworthiness, and the accreditation of the second narrator as "thiqah." From the above, it can be concluded that Imam Bukhari did not express any judgment regarding the "trustworthy" narrators concerning criticism and accreditation. This is exemplified by the narrations cited in "al-Jami' al-Sahih." Nearly 13,000 narrators who were not subjected to criticism or accreditation are considered reliable in the field of hadith studies.

The "al-Tarikh al-Kabir" contains detailed information about the narrators' lineage, teachers, students, their status in the field of hadith, and their historical background, which indicates its significance in the science of hadith. The author provides some narrators' detailed biographical information, including their names, nicknames, teachers, students, their degree of reliability in "jarh wa ta'dil" (criticism and accreditation), their birthplace, demise, travels, and even excerpts from their narrations. Some narrators' fathers and grandfathers' names are also mentioned, providing additional context. The author's aim seems to be to provide the most concise information necessary for identifying the narrator and determining their level of reliability in the eyes of scholars of hadith criticism and accreditation.

The method of evaluating narrators' reliability, especially concerning accreditation, aligns with the approaches of earlier scholars, where judgments were not given for all narrators. Imam Bukhari's reliance on eight main criteria for praising narrators also underscores his approach to accreditation.

All narrators who underwent accreditation in the work do not necessarily have their narrations included in the "Sihah Sitta" (the six canonical hadith collections). This indicates that while Imam Bukhari considered some narrators trustworthy, their narrations might not meet the stringent criteria for inclusion in the "Sihah Sitta," possibly due to specific weaknesses or defects in their narrations.

References:

1. Abdulhay Lakhnawi. (1964). *Al-Azhwiba al-Fawzila li al-As'ilah al-Ashyra al-Kamila*. Halab: Maktaba al-Matbu'at al-Islamiyya.
2. Abdulhay Laknawi, A., & Abulhasanat Muhammad. (1987). *Ar-Rof'u wa at-Takmil fi al-Jarh wa at-Ta'dil*. Halab: Matba al-Matbuat al-Islamiyya.
3. Abdullah ibn Yusuf Jad'i. (2003). *Tahrir Ulum al-Hadith*. Beirut: Mu'assasat al-Rayyan li at-Tiba'at wa an-Nashr va at-Tawzi'.
4. Amr Abdulmun'im Salim. (2000). *Taysir Ulum al-Hadith li al-Mubtadiin*. Cairo: Al-Foruq al-Hadisiya li at-Tiboa va an-Nashr.
5. Bukhari, M. I. (1989). *Al-Adab al-Mufrad*. Beirut: Dar al-Bashair al-Islamiyya.
6. Hakim Naisaburi, A. A. M. ibn A. (2015). *Al-Asomi va al-Kono*. Cairo: al-Foruq al-Hadisiya li at-Tiboa.
7. Ibn Abi Hatim, A. ibn M. ibn I. ibn M. T. Hanzali. (1953). *Al-Jarh wa at-Ta'dil*. Beirut: Dar al-Kutub al-Ilmiyya.

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	PIHII (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

---

8. Ibn Hajar Asqalani, A. A. ibn A. ibn M. ibn A. ibn Hajar. (1960). *Fath al-Bari Sharh Sahih al-Bukhari*. Beirut: Dar al-Ma'arifa.
9. Ibn Hibban, A. H. M. ibn A. Busti. (1973). *As-Siqat*. Haydarabad: Doira al-Ma'arif al-Umania.
10. Ibn Muja, A. A. M. ibn Y. Qazvini. (n.d.). *Sunan*. Halab: Dar Ihya al-Kutub al-Arabiya.
11. Ibn Rajab, Z. A. ibn A. (1987). *Sharh Ilal at-Tirmidhi*. Zarqo: Maktaba al-Manor.
12. Muhammad Siddiq Minshawi. (n.d.). *Qomus Mustalahat al-Hadith an-Nabaviy [Lexicon of Prophetic Hadith Terminology]*. Cairo: Dar al-Fazila.
13. Mizzi, Y. ibn A. ibn Y. (1980). *Tahzib al-Kamal fi Asma ar-Rijal*. Beirut: Mu'assasat ar-Risala.
14. Yahya Hussein Ahmad. (2011). Manhaj at-Tawsiq fi Kitab at-Tarikh al-Kabir li al-Imam al-Bukhari and al-Jarh wa at-Ta'dil li Ibn Abi Hatim and as-Siqat li Ibn Hibban. *Majalla Kulliya al-Ulum al-Islamiya*, № 6, 31-59.

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	РИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

**International Scientific Journal
Theoretical & Applied Science**

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2024 Issue: 03 Volume: 131

Published: 29.03.2024 <http://T-Science.org>

Issue

Article

Dmitry Anatolyevich Mokhorov
Great St. Petersburg Polytechnic University
PhD in Law, Associate Professor at the Higher School of Jurisprudence
and Forensic Technical Expertise of Peter

ANTI-CORRUPTION EDUCATION IN KAZAKHSTAN

Abstract: The relevance of anti-corruption is not questioned, therefore, constructive anti-corruption in any state, including the investigation of corruption acts, the study and settlement of conflicts between the parties involved, work on timely prevention of manifestations of corruption facts, have been among the primary tasks for many years, requiring immediate solutions, taking certain measures, as well as and to the Republic of Kazakhstan.

Anti-corruption education is used as one of the main anti-corruption tools, which helps to create intolerance to corrupt behavior in society. However, one of the problems is the lack of a clear normative definition of the concept of "anti-corruption education", which creates obstacles in understanding this phenomenon.

Key words: corruption, anti-corruption, anti-corruption, anti-corruption education, anti-corruption education.

Language: Russian

Citation: Mokhorov, D. A. (2024). Anti-corruption education in Kazakhstan. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 03 (131), 114-120.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-03-131-20> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2024.03.131.20>

Scopus ASCC: 3304.

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация: Актуальность противодействия коррупции не ставится под сомнение, следовательно, конструктивное противодействие коррупции в любом государстве, в том числе расследование коррупционных деяний, изучение и урегулирование конфликтов вовлеченных сторон, работа по своевременному предупреждению проявления коррупционных фактов, на протяжении уже многих лет являются одними из первоочередных задач, требующих незамедлительного решения, принятия определенных мер, стоящих также и перед Республикой Казахстан.

Антикоррупционное просвещение используется в качестве одного из основных инструментов противодействия коррупции, которое помогает формировать в обществе нетерпимость к коррупционному поведению. Однако, одной из проблем является отсутствие четкого нормативного определения понятия «антикоррупционное просвещение», что создает препятствия в понимании данного явления.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупция, противодействие коррупции, антикоррупционное образование, антикоррупционное просвещение.

Введение

Противодействие коррупции является актуальным вопросом современной реальности. Всем известно, что коррупция тормозит социально-экономическое развитие не только каждого отдельного государства, но и всего человечества в целом и мешает полноценному

построению общественных институтов. В последнее время для противодействия этому явлению государственные органы большое внимание уделяют формированию антикоррупционной культуры в обществе, антикоррупционному просвещению и профилактическим мерам.

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	РИНЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

В современном Казахстане коррупция является актуальной проблемой, которая требует решения, поскольку, в 2020 году Казахстан занял 94 место из 180 стран по уровню коррумпированности, что подтверждает наличие достаточно высокого уровня упомянутого явления. В стране проводятся различные мероприятия и программы, направленные на повышение осведомленности о проблеме коррупции и формирование неприятия этого явления. Законодательство по противодействию коррупции в Республике Казахстан действует на различных уровнях, начиная от международных нормативно-правовых актов и заканчивая локальными нормативными актами отдельных министерств.

Материалы и методы.

В основе исследования лежат нормативно-правовые акты Республики Казахстан, анализируя которые, рассматривается современное законодательство, регулирующее антикоррупционную и правовую деятельность. На основании этого, для преодоления коррупции и повышения уровня антикоррупционного образования общества, были предложены необходимые методы, способствующие избавлению от взяток граждан и осуществлению правового воспитания. Формально-юридический метод использовался, в частности, при выявлении основных направлений антикоррупционного просвещения.

Результаты и обсуждение.

Так, Казахстан, входит в состав девяти стран, поддерживающих антикоррупционные усилия в рамках Стамбульского плана действий. Стамбульский план действий по борьбе против коррупции (СПД) представляет собой субрегиональную программу, разработанную Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), и направленную на взаимную оценку результатов борьбы с коррупцией в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Казахстан активно принимает участие в Стамбульском плане действий с 2003 года, и за это время страна достигла значительных результатов в борьбе с коррупцией. Государственные органы и антикоррупционные агентства Казахстана предприняли ряд мер, чтобы укрепить законодательство и институциональную базу для борьбы с коррупцией. Кроме того, Казахстан является участником Организации Объединенных Наций по борьбе с коррупцией (UNCAC) и ратифицировал Конвенцию ООН против коррупции. Эти документы устанавливают

международные стандарты в области борьбы с коррупцией и обязывают государства-участники принимать меры для ее предотвращения и пресечения.

Изначально основным источником, обозначающим и прописывающим меры противодействия в своих статьях, в Казахстане являлся Закон «О противодействии коррупции», в котором посвящена целая глава системе мер по борьбе с коррупцией используя различные предупредительные и уголовно-правовые механизмы.

Все вышеупомянутое можно назвать обобщенным, которое отвечает за текущее состояние, развитие, подходы, опыт антикоррупционной политики и отсылает на другой документ «Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы», который отвечает конкретно за комплексный подход внедрения различных стратегий в разные сферы деятельности. Он отражает позицию всего Казахстана и является основой антикоррупционной политики Республики Казахстан.

Документом служащим за достоверность насколько эффективно применяются и осуществляются на практике меры и проводимые мероприятия в образовательных учреждениях является «Национальный доклад о противодействии коррупции на 2022 год», содержащий в себе итоговую информацию по поводу принятых и планируемых мерах по формированию антикоррупционной культуры, устранению коррупционных рисков в государственных органах и организациях, а также обеспечению неотвратимости ответственности за коррупцию.

Стимулом в борьбе за противодействия коррупции в обществе также стал Закон РК «Об утверждении Правил поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих содействие в противодействии коррупции», поощряя денежным вознаграждением или награждая почетной грамотой тех лиц, которые посодействовали в оказании помощи, тем самым пытаясь повлиять на мировоззрение народа. Также действует Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам дальнейшего усиления борьбы с коррупцией», с включением в статьи более жесточенных мер пытаясь повлиять на восприятие всего народа.

Одной из основных задач новой антикоррупционной концепции на 2022-2026 годы является улучшение эффективности

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	РИНЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

борьбы с коррупцией в Казахстане. Концепция предусматривает ряд мероприятий, направленных на укрепление антикоррупционных институтов, повышение прозрачности и открытости государственного управления, а также активное вовлечение общественности в процесс противодействия коррупции. Новая концепция нацелена на улучшение эффективности борьбы с коррупцией, укрепление антикоррупционных институтов и активное вовлечение общественности в этот процесс. В отличие от ранее имевшей место стратегии, рассчитанной на 2015-2025 годы, нынешняя концепция более приближена к насущным потребностям общества. Отмена предыдущей стратегии также связана с необходимостью изменения подхода к борьбе с коррупцией как системным явлением.

Анализируя антикоррупционное законодательство в Казахстане, можно прийти к выводу о весьма широком инструментарии в сфере противодействия коррупции. Антикоррупционное законодательство устанавливает ответственность за коррупционные преступления и предусматривает меры по их предотвращению, однако помимо закрепления ответственности за такие правонарушения крайне важно уделять внимание и антикоррупционному образованию.

Содержание антикоррупционного образования включает в себя изучение причин и последствий коррупции, анализ методов предотвращения коррупционных преступлений, разработку этических стандартов и норм поведения для государственных служащих, а также обучение навыкам эффективного управления и принятия решений. Оно осуществляется как в рамках школьного образования, так и в высших учебных заведениях. Одной из ключевых стратегий является внедрение специальных уроков, посвященных антикоррупционной тематике, в школьную программу. Эти уроки позволяют учащимся лучше понять причины и последствия коррупции, а также осознать свою роль в борьбе с её проявлениями. На таких уроках ученики изучают различные аспекты коррупции, начиная от ее причин и механизмов распространения, до мер, принимаемых государством для ее предотвращения. Они также узнают о важности этики и справедливости в обществе. Однако передавать теоретическую информацию недостаточно эффективно. Поэтому в рамках этих уроков также проводятся различные игры, дискуссии и другие активности, которые помогают учащимся лучше понять проблему

коррупции и применить полученные знания на практике.

Антикоррупционная служба Казахстана выявила системные проблемы с коррупционными рисками в сфере образования. Системные проблемы в сфере образования создали благоприятные условия для масштабной коррупции. Были раскрыты целые преступные схемы, что привело к расследованию в отношении чиновников в таких крупных городах и регионах, как Алматы, Шымкент, Талдыкорган, Кызылорда и Актобе. Агентство по борьбе с коррупцией назвало сферу образования в республике одной из самых коррумпированных: с 2020 года по уголовным делам в этой сфере осуждено 143 человека, нанесен ущерб государству на сумму около 11 млрд тенге, из которых на сегодняшний день возмещено 5,2 млрд тенге.

В программе детей дошкольного возраста так же присутствуют профилактические работы по формированию здорового мышления, на примере различных игр, посредством которых детям прививают хорошие ценности. А для начальных и старших классов открывают школьные клубы, деятельность которых нацелена на формирование нетерпимости к коррупции в системе образования. В высших учебных заведениях студенты изучают основные принципы этики, правовые аспекты борьбы с коррупцией, международные стандарты в этой области и другие важные аспекты.

Несмотря на существенные подвижки в усовершенствовании антикоррупционного законодательства в Казахстане, существует и ряд проблем, таких как: недостаточное внимание в образовательных учреждениях к антикоррупционным программам; рост коррупции в сфере высшего образования; недостаток квалифицированных специалистов; Отсутствие единой программы антикоррупционного образования; недостаток ресурсов; неэффективность механизмов контроля и надзора.

Концепция, направленная на регулирования целого ряда общественных отношений, фактически привела к ослаблению государственного контроля в сфере высшего образования, значительно возросли объемы коррупционных правонарушений именно в вузовской деятельности.

Текущее состояние в Казахстане не самое лучшее, но тем не менее государство делает все возможное, чтобы уменьшить коррупцию в стране и пытается всячески повлиять на формирование мышления у подрастающего поколения и всего народа, внедряя различными

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	РИНЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

указами все более эффективные меры по борьбе с коррупцией и в целях ее профилактики в стране проводится множество мероприятий.

Об эффективности борьбы с коррупцией в Казахстане можно судить исходя из результатов:

1. С 2022 года Казахстан успешно вернул активы и имущество на сумму около 1,8 миллиарда долларов США, что свидетельствует об эффективности антикоррупционных мер. Это возвращение демонстрирует значительное влияние на борьбу с коррупцией.

2. За последние десять месяцев в Казахстане было зарегистрировано почти 1 500 случаев коррупции, в которых были изблечены более 1 100 человек, включая 158 руководителей различного уровня. Это свидетельствует об активной позиции по выявлению и пресечению коррупции. Заметной превентивной стратегией является внедрение Карты коррупционных рисков, которая отслеживает зоны повышенного риска, такие как строительство социальных объектов.

3. Проект "Антикоррупционное волонтерство" вовлекает более 2 000 граждан в антикоррупционную деятельность, демонстрируя важность участия общественности в борьбе с коррупцией. Такие инициативы свидетельствуют о сдвиге в обществе в сторону более прозрачной и подотчетной культуры.

4. Образовательные учреждения играют важнейшую роль в антикоррупционном просвещении. Например, студенты различных университетов и колледжей Восточного Казахстана приняли участие в проекте "Антикоррупционное волонтерство", проведя встречи и просветив более 500 человек об антикоррупционной политике и практике. Это свидетельствует о том, что в антикоррупционной деятельности особое внимание уделяется вовлечению и просвещению молодежи.

5. Обучающие семинары по антикоррупционной политике, подобные тому, что прошел в историко-культурном центре первого президента, направлены на формирование антикоррупционной культуры и эмоционально-психологической устойчивости к коррупции. Эти семинары являются частью более широкой Антикоррупционной концепции Казахстана на 2022-2026 годы и способствуют повышению осведомленности и просвещению по данной теме.

Большая часть этого финансового ущерба в стране обусловлена злоупотреблением служебным положением и превышением полномочий со стороны представителей власти. Важно отметить постоянный ежегодный рост ущерба, связанного с этими видами коррупции,

за последние три года. Растет также обеспокоенность по поводу ущерба от фальсификации официальных документов, когда государственные служащие вносят в официальные документы заведомо ложную информацию. В отличие от этого, финансовые последствия взяточничества, уменьшаются. Таким образом, можно прийти к выводам о том, что: в Казахстане наблюдается постепенное снижение количества коррупционных преступлений за анализируемый период; взяточничество остается распространенной проблемой среди населения; угроза злоупотребления служебным положением среди государственных служащих нарастает, нанося значительный экономический ущерб; высокий уровень коррупции сохраняется в сфере высшего образования и государственного управления; взяточничества среди казахстанских полицейских, борьба с коррупцией в правоохранительных органах остается крайне важной; усилия по борьбе с внутренней коррупцией продолжаются, но не отличаются единообразием, и недостаточное внимание уделяется борьбе с корпоративной коррупцией; в настоящее время отсутствует комплексная стратегия противодействия политической коррупции, возможно, из-за отсутствия политической воли или нежелания на высшем государственном уровне.

В Казахстане также предусмотрен механизм вознаграждения граждан за сообщения о фактах коррупции. За предоставленную информацию о коррупционных действиях может быть выплачено вознаграждение в соответствии с пунктом 7 статьи 4 и пунктом 3 статьи 24 Закона Республики Казахстан "О противодействии коррупции". Величина вознаграждения зависит от характера предоставленной информации, то есть за сообщение о факте коррупционного правонарушения, за информацию о местонахождении разыскиваемого лица, совершившего коррупционное правонарушение и за иное содействие, имевшее значение для выявления, пресечения, раскрытия и расследования коррупционного правонарушения. Сумма вознаграждения может варьироваться от 30 минимальных размеров оплаты труда (МРО) на 2022 год (примерно 88 тысяч тенге) до 4000 МРО (11,6 миллиона тенге). Подробные условия поощрения указаны в Правилах поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих содействие в противодействии коррупции, утвержденных Постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2015 года No 1131.

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	РИНЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Казахстанцы в свою очередь не полностью доверяют антикоррупционной службе. Согласно исследованию, проведенному в 2022 году, полное доверие к антикоррупционной службе выразило лишь 29,2 % респондентов, по сравнению с 25,1 % в предыдущем году. Основной причиной низкой степени недоверия к антикоррупции послужило то, что 35,4% респондентов считают этот орган коррумпированным. Ещё 34,2% отметили, что деятельность службы чаще связана с мерами наказания, чем непосредственно с защитой прав граждан. А 20,6% упомянули низкий уровень профессионализма сотрудников.

Одним из самых ярких примеров создания коррупционного риска населением можно назвать нарушение правил дорожного движения. В подобных случаях взятку может попросить сотрудник полиции, но и сами автовладельцы предлагают решить все так, чтобы не платить не оформлять дорожно-транспортное происшествие и терять свой рейтинг по страховке. Использование личных связей для получения привилегий или льгот также является причиной, по которой граждане сами создают коррупционные риски. К примеру, это может быть получение какой-либо должности без наличия нужной квалификации или контракта на оказание услуг. Все это может привести к неправильному распределению ресурсов и нарушению законов о равноправии. Таким образом, хоть граждане Казахстана негативно относятся к коррупции, осуждают чиновников за то, что они берут взятки, но сами способствуют увеличению числа случаев коррупции даже на низком уровне.

Заключение.

На основании вышеизложенных нормативно-правовых актов, политических документов, разработанных программ, конференций, методик, можно выявить наличие основной проблематики по созданию и внедрению антикоррупционной культуры. И несмотря на то, что все предпринятое Президентом РК на сегодняшний день действия и механизмы помогают постепенно снижать количество коррупционных преступлений в Казахстане в данный период, тем не менее среди государственных служащих наблюдается рост уровня угрозы от такого рода коррупции, как злоупотребление должностными полномочиями, наносящий максимальный материальный ущерб стране и оказывающий плохое влияние на антикоррупционную культуру; присутствие психологического аспекта восприятия, т.е. сохранение убеждения среди народа о том, что

получение и дача взяток должностному лицу как были, так и есть, и никуда не денутся, однако на деле такого рода явления стали сравнительно ниже; отмечается высокий уровень коррумпированности среди сотрудников высших учебных заведений, чему служит подтверждение проводимого общественными организациями опроса среди студентов разных вузов; больше акцент делается в борьбе с бытовой коррупцией, а на деловую коррупцию не сильно сделан; отсутствие достаточной правовой регламентации института общественного контроля и закрытость данных ограничивают возможность граждан непосредственно участвовать в принятии решений.

Таким образом, для того чтобы сформировать у подрастающего поколения и всего народа правильное правосознание, нужно придумывать и проводить более качественные и эффективные методики для воспитания «антикоррупционной культуры», придумывать что-то интересное, тем самым завлекать аудиторию, которая будет на добровольной основе содействовать противодействию коррупционным явлениям, так как сама будет придерживаться позиции «нулевой» нетерпимости к любым проявлениям коррупции.

Повлиять на правосознание всего народа, а в особенности детей, можно посредством внедрения различных мероприятий и конференций, что и делается в данное время, но для того чтобы данный механизм работал более эффективно нужно внести в него особые корректировки. Например, среди учащихся в школах и университетах, можно предпринять следующие действия, направленные на создание таких мероприятий как: создание дисциплинарной комиссии и комиссии по профилактике коррупционных правонарушений; избрание из числа студентов омбудсмена для защиты прав и законных интересов студентов на альтернативной основе; соблюдение Кодекса чести преподавателя, утвержденного Ученым советом образовательного учреждения; проведение на ежегодной основе социологического опроса «Преподаватель глазами студентов»; организация конкурсов плакатов «Мы против коррупции»; проведение в период зачетно-экзаменационных сессий акции «Сессия без взяток»; рассмотрение на всех факультетах и на кураторских часах, круглых столах тем «Закон и коррупция», «Меры противодействия коррупции» с просмотром видеороликов, среди учащихся, так и среди преподавательского состава; расширение положительной практики функционирования «телефона доверия», почтового ящика для писем

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	РИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

и обращений физических и юридических лиц; а также проведение в средних и высших учебных заведениях занятий с приглашением государственных служащих, повышение квалификации педагогических работников системы образования по антикоррупционной направленности. Кроме того, важно вовлечение молодежи в антикоррупционные инициативы и проекты, чтобы они могли активно участвовать в борьбе с коррупцией и вносить свой вклад в создание честного и прозрачного общества.

Основными целями антикоррупционного образования по-прежнему остаются: формирование у граждан осознанного отношения к коррупции, повышение уровня правовой культуры и этики, а также развитие навыков противодействия коррупции. Выявлять проблемы и разрабатывать меры улучшения законодательства можно путем развития системы мониторинга и оценки эффективности антикоррупционного образования.

References:

- (2004). *Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Istanbul Anti-Corruption Action Plan*. [Elektronnyj resurs] Retrieved 27.11.2023 from <https://www.oecd.org/corruption/acn/istanbulantcorruptionactionplan.html>
- (2004). *United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). United Nations Convention against Corruption*. [Elektronnyj resurs] Retrieved 27.11.2023 from <https://www.unodc.org/unodc/en/treaties/CAC/index.html>
- (n.d.). *Dohinskaja deklaracija o vkluchenii voprosov preduprezhdenija prestupnosti i ugovolnogo pravosudija v bolee shirokuu povestku dnja organizacii ob#edinennyh nacij v celjah reshenija social'nyh i jekonomicheskikh problem i sodejstvija obespecheniu verhovenstva prava na nacional'nom i mezhdunarodnom urovnjah, a takzhe uchastiu obshhestvennosti* [Elektronnyj resurs] Retrieved 27.11.2023 from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/decl_organizedcrime.shtml
- (2023). *O protivodejstvii korrupcii - Zakon Respubliki Kazahstan ot 18.11.2015 g. No410-V. g (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniu na 01.05.2023 g.)*.
- (2023). *Ob obrazovanii - Zakon Respubliki Kazahstan ot 27.07.2007 g. No 319-III (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniu na 10.09.2023 g.)*.
- (2023). *O gosudarstvennoj sluzhbe Respubliki Kazahstan - Zakon Respubliki Kazahstan ot 23 nojabrja 2015 goda No 416-V (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniu na 24.07.2023 g.)*.
- (2023). *Zakon Respubliki Kazahstan «Ob jelektronnom dokumente i jelektronnoj cifrovoj podpisi» ot 07.01.2003 g. No 370-II (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniu na 01.05.2023 g.)*.
- (2015). *Zakon Respubliki Kazahstan ot 23 nojabrja 2015 goda No 416-V ZRK. "O gosudarstvennoj sluzhbe (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniu na g.)*.
- (2014). *Antikorrupcionnaja strategija Respubliki Kazahstan na 2015-2025 gody, utverzhdena Ukazom Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 26 dekabrja 2014 goda No 986*.
- (2023). *Koncepcija antikorrupcionnoj politiki Respubliki Kazahstan na 2022-2026 gody - Utverzhdena Ukazom Prezidenta RK ot 02.02.2022 g. No 802* [Elektronnyj resurs] Retrieved 27.11.2023 from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000802>
- (2023). *Antikorrupcionnye priority v Poslanii Glavy gosudarstva ot 1 sentjabrja 2021 goda «Edinstvo naroda i sistemnye reformy - prochnaja osnova procvetanija strany»* [Elektronnyj resurs] Retrieved 27.11.2023 from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100002021>
- (2023). *Kompleksnyj plan meroprijatij po formirovaniju antikorrupcionnoj kul'tury sredi molodezhi na 2023 god Kostanajskoj oblasti*. [Elektronnyj resurs] Retrieved 27.11.2023 from <https://www.gov.kz/memleket/entities/kostanai-bilim/documents/details/448898?lang=ru>
- Bekmuhamedova, Zh.A. (2023). *Strategija Respubliki Kazahstan protiv korrupcii* [Elektronnyj resurs] Retrieved 27.11.2023 from <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-respubliki-kazahstan-protiv-korrupcii>
- Zalivanskij, B. V., & Samohvalova, E. V. (2015). *Formirovanie antikorrupcionnoj politiki vuza: problemy i perspektivy. Sovremennye*

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

- problemy nauki i obrazovanja*. 2015. No 1-1, p. 1414.
15. Kairbekova, A. (2021). *Mery po protivodejstviu korrupcii v sisteme obrazovanja v Respublike Kazahstan*. Obshhestvo. Doverie. Riski: materialy 3-go Ezhegodnogo mezhdunarodnogo foruma: v 3 knigah, Moskva, 01 dekabrya 2021 goda. Tom Kniga 1. (pp.115-120). Moskva: Rossijskij jekonomicheskij universitet imeni G.V. Plehanova.
  16. Savinov, L.V. (2021). Sravnitel'nyj analiz antikorrupcionnoj politiki Rossii i zarubezhnyh stran / otv. red. Vjacheslav Evgen'evich Shorohov. *Sravnitel'naja politika*. 2021 T.12 No2, pp.26-36.
  17. Toleubekova, B. H., Hvedelidze, T. B., & Sajlibaeva, Zh. Jy. (2022). Novaja politika protivodejstvija korrupcii v Kazahstane v kontekste vuzovskogo obrazovanja. *Znanstvena Misel*. 2022. No 64(64), pp. 12-16.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2024 Issue: 03 Volume: 131

Published: 30.03.2024 <http://T-Science.org>

Issue

Article

Zokhidjon Sadikjanovich Askarov

Andijan State Pedagogical Institute
Doctor of Philosophy in Legal Sciences, Associate Professor
Peter the Great St.Peterburg Polytechnic university

Bibigul Polatova

Benjamin N. Cardozo School of Law
Student
USA

CURRENT ISSUES IN THE APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF EXTERNAL LABOR MIGRATION IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract: This article discusses current issues and challenges related to the use of digital technologies in the field of external labor migration in the Republic of Uzbekistan. The authors analyze the current state and prospects of implementing digital tools in managing migration processes, as well as identify the main advantages and challenges facing the country in this context. The article also considers potential directions for the development of digital technologies to optimize the management of external labor migration and improve the effectiveness of relevant government programs and mechanisms.

Key words: Digital technologies, external labor migration, Uzbekistan, migration process management, government programs, effectiveness.

Language: Russian

Citation: Askarov, Z. S., & Polatova, B. (2024). Current issues in the application of digital technologies in the field of external labor migration in the Republic of Uzbekistan. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 03 (131), 121-125.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-03-131-21> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2024.03.131.21>
Scopus ASCC: 3308.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Аннотация: Данная статья обсуждает актуальные вопросы и проблемы, связанные с использованием цифровых технологий в сфере внешней трудовой миграции в Республике Узбекистан. Авторы анализируют текущее состояние и перспективы внедрения цифровых инструментов в управлении миграционными процессами, а также выявляют основные преимущества и вызовы, стоящие перед страной в этом контексте. В статье также рассматриваются потенциальные направления развития цифровых технологий для оптимизации управления внешней трудовой миграцией и повышения эффективности соответствующих государственных программ и механизмов.

Ключевые слова: Цифровые технологии, внешняя трудовая миграция, Узбекистан, управление миграционными процессами, государственные программы, эффективность.

Введение

В современном мире актуальность внедрения цифровых технологий становится фактором, обеспечивающим успех устойчивого развития

страны, повышение ее конкурентоспособности, в т.ч. эффективности управления процессами внешней трудовой миграции. Развитие информационного обеспечения деятельности в

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

сфере миграции, внедрение современных биометрических технологий в процесс идентификации личности, использование других новейших информационных технологий являются важнейшим условием обеспечения эффективности регулирования миграционных отношений.

На международном уровне значимость цифровых технологий признана закреплением шести целей в Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. При этом, если эти цели (цели № 1, 3, 8, 15, 17, 20) непосредственно связаны с развитием цифровых технологий, то достижение остальных целей практически невозможно без соответствующих современных цифровых технологий [1].

Цель 8, зафиксированная в Стратегии развития нового Узбекистана на 2022 — 2026 годы [2], требует пересмотра требований к современным технологиям и цифровой деятельности в рамках повышения конкурентоспособности правовой системы и мобилизации новых драйверов экономики. Её реализация предполагает создание соответствующего организационно-правового механизма, изменения и дополнения действующего законодательства с учетом потребностей цифрового развития страны.

Другое положение данного документа (Цель 86) ставит задачу обеспечения осуществления безопасной, организованной и законной трудовой миграции, а также ведения эффективной миграционной политики. Достижение указанной цели возможно лишь при обеспечении следующего:

- активное развитие международного (многостороннего и двустороннего) сотрудничества в сфере внешней трудовой миграции, обеспечение прав и интересов трудовых мигрантов за рубежом;

- системное обучение и подготовка граждан до выезда их из страны необходимым компетенциям и языку, с выдачей им признаваемых за рубежом сертификатов;

- усиление государственной финансовой и социальной поддержки трудовых мигрантов (льготы, преференции, субсидии, страхование и иные средства и формы);

- содействие в реинтеграции лиц, вернувшихся в страну после трудовой миграции (меры по обеспечению их занятости, выдача кредитов, повышение квалификации и др.);

- стимулирование предпринимательства, оказание адресного содействия семейному бизнесу и др.

В процессе реализации указанных задач важное место занимают обеспечение доступа граждан к электронным государственным услугам (особенно в сельских и удаленных

районах). Здесь могло бы помочь широкое внедрение форм оказания таких услуг в отдаленных местах посредством внедрения точек самообслуживания (инфокиосков и др.) в почтовых отделениях, махаллинских комитетах, школах, информационно-ресурсных центрах и иных местах, максимально приближенных к жителям, желающих получить государственные услуги. Обеспечение доступа к электронным государственным услугам в каждой махалле создаст дополнительные преимущества для получения цифровых навыков, консультаций и сведений по вопросам внешней трудовой миграции, а также доступа к другим цифровым сервисам.

В современном мире, справедливо отмечают узбекские ученые, переход к цифровым технологиям, внедрение цифровых сервисов в сферу государственного управления миграцией выступает объективной неизбежностью [3]. Это не веяние моды и не прихоть правительства. Необходимость внедрения цифровых технологий вызывается также и тем, что трудовые мигранты часто избегают официального взаимодействия с государственными органами страны пребывания либо такое взаимодействие ограничено в силу разных причин (недостаток времени, денежных средств и т.д.), либо испытывают страх перед ними (страх подвергнуться задержанию либо вымогательству со стороны сотрудников полиции и др.) [4]. Цифровые технологии избавляют мигрантов от прямого контакта с чиновниками и правоохранительными органами, облегчая их вхождение в другое общество.

Современные глобальные трансформации, утверждает Д. Диминеску, сопровождаются формированием нового типа мигранта, одновременно «подключенного» к разным коммуникационным каналам. Применение цифровых технологий показывает наличие своеобразной «портативности сетей принадлежности» [5]. В то же время, по мнению К. Лерса и С. Понзанеси, наблюдается формирование «цифровых разрывов» между местным населением и мигрантами, что способствует маргинализации мигрантов [6]. Значит, низкая интеграция этнических трудовых иммигрантов по причине социокультурных различий, языкового барьера, негативно влияет на возможности реализации трудовых прав наших граждан в стране пребывания. Отсюда вывод – необходимо содействовать быстрой социально-культурной адаптации и интеграции наших трудовых мигрантов в стране, где они осуществляют трудовую деятельность. Для этого необходимо максимально готовить их не только в профессиональном плане (уровень профессиональной квалификации), но и дать им

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

знания о культуре, истории, традициях и обычаях страны пребывания. Такие знания помогут трудовым мигрантам безболезненно и быстрее адаптироваться к условиям жизни в чужой стране.

Использование в реализации государственной миграционной политики и регулировании процессов трудовой миграции современных цифровых технологий привело к повышению открытости и результативности данных процессов. Обеспечение цифровой трансформации сферы внешней трудовой миграции позволило расширить и упростить взаимодействие государства и граждан, осуществляющих трудовую деятельность за рубежом. Реализация задач в сфере внешней трудовой миграции на высокотехнологическом уровне, использование цифровых инструментов и форм позволяет создать оперативный канал связи, нужный для повышения качества и эффективности системы управления указанной сферой.

Сегодня в развитых странах мира общепризнанно, что государства получают определенные выгоды от трудовой миграции, в т.ч. так называемой удаленной работы, появился даже термин «цифровые кочевники», многие страны упрощают получение иностранцами виз на временное проживание во время работы в иностранной компании или в качестве фрилансера [7].

В современном мире цифровизация характеризуется появлением цифровых продуктов, платформ и услуг, которые помогают трудовым мигрантам в получении необходимой информации, онлайн-услуги обучении. Это достигается за счет повышения скорости, доступности и прозрачности государственных услуг в электронной форме. Многие люди, владеющие цифровыми навыками, пользуются преимуществами цифровых технологий при реализации своих трудовых прав и осуществлении своей трудовой деятельности [8]. Однако в Узбекистане, несмотря на широкое использование современных информационно-коммуникационных технологий, направленных на обеспечение прозрачности оказания государственных услуг в сфере трудовой миграции, упрощение и оптимизацию процедур, уровень внедрения ИКТ в данную сферу остается низким [9]. В этой связи полагаем необходимым перевести в цифровой формат оказание всех услуг, так или иначе охватывающих сферу внешней трудовой миграции. Более того, следует создать техническую возможность получения указанных услуг лицами, занесенными в «железную тетрадь», включенными в списки социально уязвимых граждан, на бесплатной основе.

Среди функций и задач, решаемых с помощью цифровых технологий, по нашему мнению, можно выделить следующие:

- распространение информации о формах и способах адаптации и интеграции трудовых мигрантов на территории страны пребывания;
- формирование единой информационной базы для трудовых мигрантов, сведений, необходимых в ходе осуществления трудовой деятельности;
- помощь в дистанционном изучении мигрантами языка, истории и основ законодательства, а также обычаев и культурных традициях страны пребывания;
- оказание консультативно-правовой помощи трудовым мигрантам;
- информационное, организационное и иное содействие в трудоустройстве мигрантов.

Сегодня многие страны мира активно используют специальные автоматизированные информационные системы для контроля за перемещением через границу трудовых мигрантов, их регистрацией по месту нахождения и работы и т.д. [10] Будучи одной из сфер государственного управления, система управления внешней трудовой миграцией постепенно идет в сторону формирования модели цифрового управления. Применение цифровых технологий в системе взаимодействия «гражданин-государство» предполагает широкое внедрение информационно-телекоммуникационных технологий, электронного документооборота, цифровой подписи и иных современных технологий.

Одними из лидеров внедрения цифровых технологий в сферу трудовой миграции, очевидно, являются страны Европы, где осуществляется активное финансирование внедрения цифровых сервисов. Например, в Германии (Нижняя Саксония) цифровые технологии широко внедрены в сферу государственного регулирования с трудовыми мигрантами [11]. В 2016 году Европейский союз начал формировать систему ETIAS (European Travel Information and Authorization System), направленную на автоматическое отслеживание и решение вопроса о выдаче разрешения на въезд в Шенгенскую зону. Она призвана определять: можно ли разрешить тому или иному лицу въезд в европейскую страну Шенгенской зоны [12]. Понятно, что для решения указанной задачи следует создать соответствующее программное обеспечение и базу данных с биометрическими сведениями.

Известно, что глобализация, пандемия и иные факторы вызвали переход к цифровой модели регулирования сферы миграции, а также изменения требований к компетенциям работников. Сегодня он должен иметь и наращивать знания и навыки, необходимые для

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

осуществления профессиональной деятельности, в т.ч. цифровые знания. Можно говорить о формировании так называемого цифрового работника, обладающего набором знаний, навыков и умений, изменяющихся благодаря использованию цифровых технологий.

Благодаря цифровизации происходит своеобразная миграционная модификация: рост территориальной мобильности труда при сохранении места жительства, появление новых форм в сфере трудовой миграции. Как отмечают специалисты, цифровая глобализация способствует возникновению новых форм миграции: смешанных и комбинированных. Комбинированные формы миграции труда представляют собой объединение форм миграции при сохранении собственного содержания. В качестве комбинированной формы миграции труда можно рассматривать миграцию труда как результат занятости по запросу. Смешанная форма миграции труда возникает в результате диффузии разных форм миграции [13]. Эти новые формы приводят к тому, что работники «перемещают» свой труд, находясь в месте своего постоянного жительства. Появилась обширная группа т.н. фрилансеров, которые, не меняя места проживания, трудятся на иностранных работодателей. Так, сегодня только в Европе, Индии и Соединенных Штатах насчитывается около 77 млн официально зарегистрированных фрилансеров [14]. Поэтому полагаем, что появление данной дистанционной формы трудовой миграции вызывает необходимость закрепления в законодательстве соответствующих форм и процедур её регулирования, отражения данной формы трудовой миграции в нормативно-правовых актах.

Проведенный анализ позволяет констатировать следующие выводы:

- цифровизация способствует прозрачности, открытости, оптимизации миграционных процедур, а также повышению эффективности и оперативности их осуществления;

- цифровые технологии минимизируют роль человеческого фактора и снижают уровень коррупционных факторов в процессе регулирования миграционных отношений,

например - выдаче разрешения на трудовую деятельность;

- трудовой мигрант освобождается от необходимости физического присутствия в миграционных и иных органах власти;

- внедрение различных цифровых онлайн-сервисов (как в рамках электронного правительства, так и вне его) в сфере трудовой миграции существенно сокращает расход ресурсов, времени и усилий трудовых мигрантов.

Необходимо указать, что немало трудовых мигрантов показывают неготовность к использованию цифровых технологий, многие из них не владеют навыками работы с цифровыми сервисами или приложениями, облегчающими жизнь трудового. Здесь помогло бы закрепление в законодательстве и введение льгот, субсидирования и иных форм стимулирования обучения основам цифровых технологий выезжающих на заработки за рубеж граждан.

На основе проведенного анализа можно констатировать, что цифровизация системы внешней трудовой миграции становится неотъемлемой частью сложного процесса коренного реформирования данной системы, важным инструментом повышения эффективности государственной политики в данной сфере. Широкое использование цифровых технологий способствует упрощению и унификации миграционных процессов, расширению доступа трудовых мигрантов к государственным услугам, а также сокращению нелегальной трудовой миграции и иных негативных факторов.

Таким образом, государственная политика в сфере внешней трудовой миграции должна сопровождаться широким внедрением современных цифровых технологий (информационных систем, платформ, средств коммуникаций, баз данных и др.) выработки прогнозов развития данной сферы и формирования эффективной, продуманной и транспарентной системы мер и решений. Цифровые технологии способны существенно повысить качество и эффективность деятельности государства в указанной области, а также обеспечить ее подконтрольность и открытость гражданскому обществу.

References:

1. Rosenbaum, J., Zepic, R., Shreieck, M., Wiesche, M., & Krcmar, H. (2018). *Barriers to Mobile Government Adoption: An Exploratory*

Study of an Information Platform for Refugees in Germany / Souzas-Loranzo R., Ramos A.C.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

- (eds.) ECDG 2018 18th European Conference on Digital Government.
- (2023). *Strategija razvitija novogo Uzbekistana na 2022 — 2026 gody*. Retrieved 18 iulja 2023 from https://president.uz/ru/pages/view/strategy?menu_id=144
  - Akramov, Sh.Jy., & Akramov, F.Sh. (2022). Migracionnaja sfera v period cifrovoj transformacii gosudarstvennyh uslug i vnedrenija superservisov. *Centr innovacionnyh tehnologij i social'noj jekspertizy*. 2022. №3 (33), pp. 70-82.
  - (2023). *Klondajk dlja korruptcii: pochemu migrantov doverili policii?*. *Vestnik Migranta*. 2018. Retrieved 17.07.2023 from <https://www.vestnik-migranta.ru/2018/05/avgorovoy.html>
  - Diminescu, D. (2008). The connected migrant: an epistemological manifesto. *Social Science Information*. 2008. Vol. 47. No. 4, p. 573.
  - Leurs, K., & Ponzanesi, S. (2018). Connected migrants: Encapsulation and cosmopolitanization. *Popular Communication*. 2018. Vol. 16. № 1, R. 15.
  - (2023). *Analiticheskij brif. Cifrovizacija i trudovaja migracija: ispol'zovanie sovremennyh tehnologij, vyzovy i vozmozhnosti*. Iul' 2023 goda. Retrieved 25.07.2023 from <https://www.pragueprocess.eu/ru/news-events/news/752-tsifrovizatsiya-i-trudovaya-migratsiya-ispolzovanie-sovremennykh-tehnologij-vyzovy-i-vozmozhnosti>
  - (2023). *Cifrovizacija i trudovaja migracija: ispol'zovanie sovremennyh tehnologij, vyzovy i vozmozhnosti*. Retrieved 15.07.2023 from [https://www.pragueprocess.eu/ru/news-events/news/752-tsifrovizatsiya-i-trudovaya-](https://www.pragueprocess.eu/ru/news-events/news/752-tsifrovizatsiya-i-trudovaya-migratsiya-ispolzovanie-sovremennykh-tehnologij-vyzovy-i-vozmozhnosti)
  - [migratsiya-ispolzovanie-sovremennykh-tehnologij-vyzovy-i-vozmozhnosti](https://www.pragueprocess.eu/ru/news-events/news/752-tsifrovizatsiya-i-trudovaya-migratsiya-ispolzovanie-sovremennykh-tehnologij-vyzovy-i-vozmozhnosti)
  - Rahmanov, Sh.N., & Otazhonov, A.A. (2022). Pravovoe regulirovanie processov trudovoj migracii v Respublike Uzbekistan. *Tenevaja jekonomika*, 2022, Tom 6, № 3, pp. 145-156, doi: 10.18334/tek.6.3.116140
  - Abdulov, M.K. (n.d.). Ispol'zovanie sovremennyh informacionno-telekommunikacionnyh sistem i protivodejstvie nezakonnoj migracii. *Jelektronnyj nauchno-prakticheskij zhurnal «Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii»*. Retrieved 12.07.2023 from <https://web.snauka.ru/issues/2020/01/91290>
  - Smidovich, G.S. (2021). Integracija migrantov v jepohu cifrovoj globalizacii i virtual'noj migracii trudovyh resursov. *Nauchnoe obozrenie. Serija 2. Gumanitarnye nauki*. 2021. № 2, pp. 30-41.
  - Kojbaev, B.G., & Zoloeva, Z.T. (2015). Pravovye aspekty informatizacii regionov: opyt Germanii. *Vestnik AGU*. 2015. № 2 (158), p. 281.
  - Rosenbaum, J., Zepic, R., Shreieck, M., Wiesche, M., & Krcmar, H. (2018). *Barries to Mobile Government Adoption: An Exploratory Study of an Information Platform for Refugees in Germany* / Souzas-Loranzo R., Ramos A.C. (eds.) ECDG 2018 18th European Conference on Digital Government.
  - Cherevichko, T.V. (2019). Migracija truda v kontekste cifrovoj jekonomiki. *Vestnik SGSJeU*. 2019. № 4 (78), pp. 90-92.
  - Sadovaja, E. (2018). Cifrovaja jekonomika i novaja paradigma rynka truda. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2018. T. 62. № 12, pp. 35-45.

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	PIHII (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Contents

	p.
17. Abdykadyrov, S. K., Tokoeva, A. B., & Ysakova, M. Sh. Cluster approach to IT-market development in the Kyrgyz Republic.	101-104
18. Grdzeldze, M. G., & Tkheldze, N. N. Variations in the existing range of women's shoes with factor analysis providing comfort.	105-109
19. To'rayev, N. N. Analysis of Imam Bukhari's silence on narrators in «al-Tarikh al-Kabir».	110-113
20. Mokhorov, D. A. Anti-corruption education in Kazakhstan.	114-120
21. Askarov, Z. S., & Polatova, B. Current issues in the application of digital technologies in the field of external labor migration in the Republic of Uzbekistan.	121-125

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	РИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Scientific publication

«ISJ Theoretical & Applied Science, USA» - Международный научный журнал зарегистрированный во Франции, и выходящий в электронном и печатном формате. **Препринт** журнала публикуется на сайте по мере поступления статей.

Все поданные авторами статьи в течении 1-го дня размещаются на сайте <http://T-Science.org>.

Печатный экземпляр рассылается авторам в течение 3 дней после 30 числа каждого месяца.

Impact Factor

Impact Factor	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
JIF		1.500										
ISRA (India)		1.344				3.117	4.971		6.317			
ISI (Dubai, UAE)	0.307	0.829							1.582			
GIF (Australia)	0.356	0.453	0.564									
SIS (USA)	0.438	0.912										
ПИИЦ (Russia)		0.179	0.224	0.207	0.156	0.126		3.939	0.671	0.177		
ESJI (KZ)		1.042	1.950	3.860	4.102	6.015	8.716	8.997	9.035	8.771	8.502	
SJIF (Morocco)		2.031				5.667			7.184	6.296		
ICV (Poland)		6.630										
PIF (India)		1.619	1.940									
IBI (India)			4.260									
OAJI (USA)						0.350						

Deadlines

	Steps of publication	Deadlines	
		min	max
1	Article delivered	-	
2	Plagiarism check	1 hour	2 hour
3	Review	1 day	30 days
4	Payment complete	-	
5	Publication of the article	1 day	5 days
	publication of the journal	30th of each month	
6	doi registration	before publication	
7	Publication of the journal	1 day	2 days
8	Shipping journals to authors	3 days	7 days
9	Database registration	5 days	6 months

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

INDEXING METADATA OF ARTICLES IN SCIENTOMETRIC BASES:

International Scientific Indexing ISI (Dubai, UAE)	http://isindexing.com/isi/journaldetails.php?id=327
CI.An. // THOMSON REUTERS, EndNote (USA)	https://www.myendnoteweb.com/EndNoteWeb.html
Research Bible (Japan)	http://journalseeker.researchbib.com/?action=viewJournalDetails&issn=23084944&uid=rd1775
Scientific Object Identifier (SOI)	http://s-o-i.org/
ПИИИ (Russia)	http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1246197
Google Scholar (USA)	http://scholar.google.ru/scholar?q=Theoretical+science.org&btnG=&hl=ru&as_sdt=0%2C5
Turk Egitim Indeksi (Turkey)	http://turkegitimindeksi.com/Journals.aspx?ID=149
Directory of abstract indexing for Journals	http://www.dajj.org/journal-detail.php?jid=94
DOI (USA)	http://www.doi.org
CrossRef (USA)	http://doi.crossref.org
Open Academic Journals Index (Russia)	http://oaji.net/journal-detail.html?number=679
Collective IP (USA)	https://www.collectiveip.com/
Japan Link Center (Japan)	https://japanlinkcenter.org
PFTS Europe/Rebus:list (United Kingdom)	http://www.rebuslist.com
Kudos Innovations, Ltd. (USA)	https://www.growkudos.com
Korean Federation of Science and Technology Societies (Korea)	http://www.kofst.or.kr
AcademicKeys (Connecticut, USA)	http://sciences.academickeys.com/jour_main.php
Sherpa Romeo (United Kingdom)	http://www.sherpa.ac.uk/romeo/search.php?source=journal&sourceid=28772
CI.An. // THOMSON REUTERS, ResearcherID (USA)	http://www.researcherid.com/rid/N-7988-2013
RedLink (Canada)	https://www.redlink.com/
CI.An. // THOMSON REUTERS, ORCID (USA)	http://orcid.org/0000-0002-7689-4157
TDNet Library & Information Center Solutions (USA)	http://www.tdnet.io/
Yewno (USA & UK)	http://yewno.com/
RefME (USA & UK)	https://www.refme.com
Stratified Medical Ltd. (London, United Kingdom)	http://www.stratifiedmedical.com/

THE SCIENTIFIC JOURNAL IS INDEXED IN SCIENTOMETRIC BASES:

Advanced Sciences Index (Germany)	http://journal-index.org/
SCIENTIFIC INDEXING SERVICE (USA)	http://sindexs.org/JournalList.aspx?ID=202
Global Impact Factor (Australia)	http://globalimpactfactor.com/?type=issn&s=2308-4944&submit=Submit
International Society for Research Activity (India)	http://www.israjif.org/single.php?did=2308-4944
CiteFactor (USA) Directory Indexing of International Research Journals	http://www.citefactor.org/journal/index/11362/theoretical-applied-science
International Institute of Organized Research (India)	http://www.i2or.com/indexed-journals.html
JIFACTOR	http://www.jifactor.org/journal_view.php?journal_id=2073
Journal Index	http://journalindex.net/?qi=Theoretical+%26+Applied+Science
Eurasian Scientific Journal Index (Kazakhstan)	http://esjindex.org/search.php?id=1
Open Access Journals	http://www.oajournals.info/
SJIF Impact Factor (Morocco)	http://sjifactor.inno-space.net/passport.php?id=18062
Indian citation index (India)	http://www.indiancitationindex.com/
InfoBase Index (India)	http://infobaseindex.com
Index Copernicus International (Warsaw, Poland)	http://journals.indexcopernicus.com/masterlist.php?q=2308-4944
Электронно-библиотечная система «Издательства «Лань» (Russia)	http://e.lanbook.com/journal/

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	РИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Signed in print: 30.03.2024. Size 60x84 $\frac{1}{8}$

«Theoretical & Applied Science» (USA, Sweden, KZ)
Scientific publication. The circulation is 90 copies.

<http://T-Science.org> E-mail: T-Science@mail.ru

Printed «Theoretical & Applied Science»